

Фрагмент из романа Еремея Айпина «Божья мать в кровавых снегах»

Вожак красных, выставив руку с пистолетом, ворвался в чум и закричал: "Стой!" И бешено крутанул косящим глазом по лежанкам. Левая половина была пуста, а на правой, качая-унимая ревущего малыша, сидела женщина, Мать Детей. За ее спиной скрылось испуганное лицо девочки, залитое слезами, а за ними, присев на корточки, мальчик десяти-одиннадцати лет стрелой нацелился на дверь.

Главарь, приопустив руку с пистолетом, взревел:

- Ма-ал-чать!

Плач оборвался. Даже ревуший малыш на мгновение смолк. Только за меховой стеной слышался гомон солдат, заполнивших селение-становье. В эту паузу главарь, ткнув пистолетом в направлении мальчика, скомандовал:

- Давай сюда! Мальчик не шелохнулся.

А **Мать Детей** вздрогнула. Она смерила взглядом с ног до обмороженного лица ненавистного захватчика и, подавшись в сторону сына, как бы пытаясь прикрыть свой выводок всем телом, жестко отчеканила:

- Он за ружье не брался!

- Знаю ваших: не брался - так возьмется! - отрезал главарь.

- Говорю: не стрелял - видит огонь! - и она кивнула в сторону очага в центре чума, где догорал костер.

- Не стрелял - так будет стрелять! - огрызнулся главарь.

- Он мал еще!

- Так вырастет... бандитом.

Она поклялась всесильным и всевидящим огнем, а пришелец не поверил. Значит, настал ее, Матери Детей, черед. На этой войне у остяков существовал свой порядок вступления в бой. Сначала воюют мужчины, а когда погибают, вступают женщины, последними дети, те из них, кто уже может держать в руках ружье. Сейчас стрельба на улице прекратилась. Значит, все мужчины погибли.. Стало быть, пробил ее час. Достоинство умереть - тоже немаловажное дело... Она сберегла детей от шальных и прицельных пуль, удержала в доме сына. Опершись на левую руку, она стала медленно подниматься, одновременно прижимая к себе малыша правой. Поднявшись, перехватила малыша левой рукой. Выпрямилась, высоко вскинула голову. Платок сполз на спину, открыв две толстые черные косы. Меховая ягушка, стянутая поясом, держалась только на левом плече, правая грудь, плечо и рука были свободными. Так одеваются, когда грудью кормят ребенка. Спohватившись, она застегнула верхнюю пуговицу на вороте платья и приняла удобную позу. Малыша опустила на живот, к поясу, а корпус и голову отвела назад, опять же для того, чтобы не упасть на самого младшенького ребенка. Затем шагнула вперед - так, в случае падения навзничь, не повредит детям за спиной. И хотя ростом она была так мала, что не доставала даже до плеча долговязого главаря, но широко расставленными локтями, расправленными плечами, вздыбленными волосами, меховой ягушкой - всем своим телом закрыла детей в родном гнездышке. После ее гибели, в этом она была уверена, Верховный Отец распорядится их судьбой.

И только теперь, неосознанно приняв удобное и самое выгодное положение, Мать Детей вперила яростно горящий взор в ненавистные оплывшие зенки главаря и низко-утробно закричала:
- Сначала убей меня!

Главарь от неожиданного напора отшатнулся, не выдержав жгучего огня материнских глаз, невольно мотнул головой вправо-влево. И тут увидел другую женщину с ребенком. Эта, прижав малыша к правому плечу и призывно подняв левую руку к груди, излучала светлым ликом ровный свет и кротко и добро смотрела прямо на него. Он снова глянул на женщину с зло-яростными глазами. Его налитые кровью глазищи заматались от кротко-доброй к зло-яростной, от зло-яростной к кротко-доброй. Он не сразу сообразил, что перед ним икона Божьей Матери. Она висела в

переднем углу, против входа, на тонкой жердинке чума. Войдя, он обшарил взглядом только низ жилища, а верх упустил. А тут, оказывается, как он выразился, "опиум народа" притаился. И сейчас, повернувшись к яростной Матери Детей и ткнув пистолетом в сторону иконы, спросил:

- А эта с... зачем здесь?! Он со вкусом выдал бранное слово.

Но **Матерь Детей** не услышала или не поняла его вопроса. Она, уже подготовившись, ждала своего конца. Но это последнее мгновение оттягивалось. И ожидание становилось мучительным. И она закричала в ярости:

- Говорю: убей меня!..

Главарь обалдело завертел башкой. Ему показалось, что заговорила Божья Матерь: звук по конусу чума поднимался вверх, к дымовому отверстию. И он, дернувшись всем телом, разрядил пистолет в икону, повернулся и, путаясь в полости-двери, выскочил из чума.

Отрывок из романа Е.Д. Айпина «Ханты. Звезда утренней зари»

...Выехал на Родниковое озеро.

«Хе, люди!» — удивился Демьян.

На середине этого небольшого озера стояли черные пузатые бочки. Возле них двое в черных одеждах грузили на тракторные сани какие-то ящики и мешки.

Свежая, еще не остывшая борозда стрелой уходила в сторону зимовья. След самолета, понял Демьян. Он невольно повернул голову — куда же воткнулось острие стрелы?! Но самолета не было — уже взмыл в хмурое зимнее небо.

Олени наострили уши и, пока хозяин рассматривал озеро и людей, перешли на шаг, а потом и вовсе остановились в нерешительности, затоптались на месте.

— Эс-сс!.. Людей, что ли, не видели? — бодрым голосом сказал Демьян, дернув поводок и взмахнув хореом. — Чего испугались? Никак, люди пришли. Гости пришли...

Он остановил оленей недалеко от трактора, который простужено чихал на все озеро.

Подошли те двое чернородых, что занимались погрузкой ящиков и мешков.

— Пэча-пэча! — поздоровался Демьян.

Сначала он пожал теплую ладонь румяного от мороза бородача средних лет. Про него Анисья бы сказала, что «лицо круглое, как сковородка». Затем взял костлявую холодную руку кучерявого темноликого парня, взгляд которого пока не мог поймать... Тот смотрел куда-то в сторону — на оленей, что ли.

Не побоялись мороза, сняли рукавицы, отметил Демьян. И ему от этого как-то теплее стало в душе. Улыбнулся он гостям. И бородачи улыбнулись...

— А мы — вон туда! — и круглолицый махнул в сторону Демьянова зимовья. — Разведчики мы, сейсмики. Нефть и газ ищем!

— Искатели, значит, — кивнул Демьян. — Слышал, слышал.

Бородачи-искатели с любопытством поглядывали на нарту и оленей охотника. А Демьян, всматриваясь в уменьшенные бородами светлые пятна лиц, подумал, что таких гостей на его земле еще не бывало. Но какие бы гости ни пришли, по древним обычаям народа, надо встречать их с добром и теплом, иначе все предки до десятого колена перевернутся в гробу и проклянут на веки вечные. Гостя-то лучше в доме встречать. Ну, да повременить можно, в зимовье все равно придут...

Потом искатели поинтересовались семьей Демьяна, доволен ли он своим житьем-бытьем.

Спрашивали, словно старого знакомого встретили. Демьяну это тоже понравилось, и он охотно отвечал. Затем в паузу, переведя взгляд с кучерявого на круглолицего бородача, он спросил:

— Медвежьего рода кто есть? — поставил Демьян вопрос.

Искатели удивленно, почти в голос переспросили:

— Какого рода?! Медвежьего?!

— А-а, медвежьего, — пояснил Демьян. — У каждого человека род есть. Мой род идет от медведя. Есть люди рода Бобра, рода Лося. Это на нашей реке...

— Может, начальник нашего отряда из твоего рода? — предположил кучерявый. — Фамилия у него подходящая — Медведев! Григорий Медведев.

— Во-во, он подходит! — подхватил и старший искатель. — Ведь подходит, а?! Как, батя, думаешь?!

И он подошел поближе к охотнику, тронул поводок жоака.

— Подходит, наверно, — согласился Демьян. — Раз Медведев — значит, его род от медведя идет.

— Эх, жаль! — воскликнул круглолицый искатель. — Не я из рода Медведя, жаль!

И охотнику показалось, что в его серых глазах промелькнуло искреннее огорчение.

— Поедешь обратно — заезжай к нам, Нимьян-Демьян Романыч! — пригласил круглолицый Семка. — Погреешься, чайком попотчует!

— Заходи-заезжай, — поддакнул и кучерявый Поля, рассматривавший Пеструхины рога. — Сам с нашим Медведевым поговоришь. Вон наши балки. Два-три дня тут простоим, потопчемся...

— Не стесняйся, заходи запросто, — улыбнулся Семка.

Заскользила нарта. И Демьян подумал, прислушиваясь к тихой мелодии полозьев, что теперь, наверное, будет много забот и много шума. А места тут были тихие. Но это его не смутило: со всеми он умел поладить и жить в мире и понимании. Сколько тут охотников перебывало — и своих, и чужих, — и всегда они находили место на Демьяновых угодьях и в его душе. А угодьям его до прихода строителей трубы и железной дороги не было предела. В любую сторону направляй лыжи — хоть к Холодному Океану, хоть к Восходу солнца, хоть к Полуденному солнцу. А душа... она ведь может вместить все, она может быть и вовсе бескрайней. И для искателей место найдется, ведь они тоже родственники Демьяну. А у Демьяна много родственников. Быть может, больше всех. Помимо кровной родни из своего рода, ему, как и всякому ханты, приходились родственниками, братьями и сестрами, дядьями и тетушками все люди рода Медведя, будь то ханты, манси, ненцы или русские. Веками почиталось это родство. Оно было законом жизни всех родов и племен, населявших эти земли. Ни жениться, ни выйти замуж не разрешалось за человека своего рода: это тебе братья и сестры — самая близкая родня. Нужна невеста — породнись с другим родом, ищи девушку в роду Бобра, или Лося, или еще в каком другом роду, на другой большой реке. Но, однако, нельзя было сватать невесту из того рода, куда ушла сестра или тетя — роды уже породнились между собой. Также двум братьям запрещалось брать невест из одного рода. Если же этот запрет нарушался, как показала многовековая практика, вскоре одна из невест умирала. Это было делом жизни и смерти не только для одного человека, но для многих людей. И поэтому никогда не забывали и всегда следили за родственными связями. Так было у всех ханты. А кроме этого, Демьян считал, что родня его родни и ему тоже приходится родней. У его многочисленной поселковой родни и в городе есть родственники. Значит, те, городские, Демьяну тоже родственниками приходятся. А у тех городских есть родня и, в других селах и в городах. Вот и получается, что Демьян связан родственными узами с людьми всех сел и городов, всех больших и малых стран, всей планеты. Ведь у людей всех народов были когда-то родоначальники — звери, птицы. Возможно, все пошло от одного человека, от одного зверя или одной птицы. Только многие позабыли об этом. Бывало, спросишь у приезжего, а он и слыхом не слыхивал про свой род. И про своих близких-то родственников ничего не может сказать. Может быть, он из рода Медведя — самый ближайший родственник Демьяна, а об этом не знает. Как вот начальник искателей Медведев, к которому он заедет на обратном пути.

Синквейны по роману Еремея Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах»

1. Матерь Детей

Окаменевшая, отчаянная
Выполняла обряды, продлила жизнь, сохранила
Выиграла поединок со смертью
Божья Матерь

2. Чухновский

Безжалостный, подлый
Любил войну, отличался жестокостью, озверел
Без царя в голове и без Бога в душе
Орудие убийства

3. Белый цвет

Божественный, дающий жизнь
Прикрывает уставшую землю, дает добычу, спасает
Верховный Отец присылает с Неба
Цвет жизни

4. Сеня Малый

Миролюбивый, мужественный
Не конфликтуют, защищают, отстаивают
«Остяки совершенно не переносят жизни в неволе»
Народ-богатырь

5. Кровавый день

Чёрный, суровый
Карали, забивали, как скот, казнили
Столкновение «жажды воли» и власти
Мертвая земля

Синквейны по рассказу Е.Д. Айпина «В полете в бездну»

Детство

Тяжелое, голодное.

Учится, охотится, взрослеет.

Кормит всю семью.

Хозяин.

Глухарь.

Красивый, живучий.

Побежал, сиганул, дал деру.

Крепко цеплялся за белый свет.

Жизнь.

Примета

Плохая, дурная.

Предсказывает, предвещает, приносит.

Живучая птица - к несчастью.

Смерть.

Иван Андреевич

Справедливый, заботливый, мудрый.

Работал, помогал, хлопотал.

Для простых вогулов и остяков был «отцом родным».

Самопожертвование.

Встреча

Гибельная, последняя.

Закружила, заморозила, слила.

Превратила их в одного человека.

Любовь.